

ISSN 0321—2017

Политические
Исследования

1991

сентябрь-
октябрь

От редакции: В журнале «Рабочий класс и современный мир» (1990, № 5), преемником которого стал «Полис», опубликованы несколько работ Г. В. Плеханова 1917 г. Они вызвали интерес читателей, отметивших большую актуальность проблем, которые поднимал этот выдающийся деятель. Предлагаем два письма, полученные редакцией, — от научного сотрудника Государственного исторического музея в Москве А. А. Куреных и от заведующей кафедрой политической экономии Дагестанского государственного университета (Махачкала) О. К. Цапиевой. Предоставляем слово также Т. И. Филимоновой — публикатору текстов, заведующей сектором «Дом Плеханова» Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ОКТЯБРЮ!

Цельность взглядов Плеханова, последовательность, с какой он их отстаивал, вызывают уважение. Вместе с тем ясно видишь, что его точка зрения разделялась очень и очень немногими в тогдашней России. По мнению публикатора, это признак того, что Плеханов опередил свое время, понимал и оценивал тенденции развития точнее и глубже, чем другие политики, включая и Ленина. Но идеи Плеханова не так безупречно правильны, как это представляется тов. Филимоновой.

Была ли альтернатива у Октябрьской революции? Плеханов выражает свою позицию предельно ясно: капитализм в России развит слабо, Россия — страна полуколониальная, следовательно, на повестке дня самостоятельное развитие буржуазных отношений, капиталистического строя. И тот, кто противится этому, призывает к свержению буржуазии, тот враг не только прогресса, но и враг России, тот не понимает, не знает марксизма. Буржуазия, по мнению Плеханова, была ведущим классом общества. Все «живые силы» страны должны были поддерживать буржуазию, то есть ту войну, которую вело Временное правительство, и ни в коем случае не выступать с антибуржуазными лозунгами, поскольку это могло навредить революции, помочь ее врагам. К ним Плеханов причислял, помимо монархистов, еще и крестьян, жгущих помещичьи имения, и большевиков, тогда как все «живые силы» должны объединяться в деле поддержки революции. В теории такую схему развития событий еще можно было бы признать правильной. Но на практике... «Живые силы» никак не хотели объединяться. Большевики сеяли анархию и смуту. И ничего «ведущая» сила общества — буржуазия — с ними демократическими методами поделать не могла: приходилось прибегать к военной диктатуре людей, отнюдь буржуазной демократии не сочувствовавших.

Плеханов переоценил буржуазность Февральской революции. Он правильно определил слабость капиталистического развития России, но почему-то не сделал из этого обстоятельства вывод, что и буржуазная революция в России будет слабой, то есть неполной, незавершенной. В самом деле, Временное правительство откладывало земельный вопрос, да и все проекты его решения, выдвинутые им в это время, были далеки от революционной ликвидации пережитков феодально-крепостнических отношений, главным из которых являлось помещичье землевладение.

У тов. Филимоновой выходит так, что Плеханов всегда (и особенно в 1917 г.) был сторонником сотрудничества классов, имея в виду пролетариат и буржуазию. И это очень правильная позиция, по мысли публикатора. Непонятно, однако, почему пролетариат должен был в 17-м году оказывать поддержку слабому, готовому к измене национальным интересам классу, а не крестьянству, стремившемуся освободиться от оков феодально-помещичьей эксплуатации. Объективно это не только означало решения буржуазно-демократических задач, но и вело значительно дальше. И Ленин не случайно оговаривается: никакого немедленного введения социализма. Вместе с тем он прекрасно понимал, что последовательное решение задач буржуазно-демократической революции в России невозможно без покушения на интересы самой буржуазии как в городе, так и в деревне. Например, передел земель, который провело крестьянство в 1917—1918 гг., не мог не затронуть землевладения хуторян и отрубщиков.

Плеханов был ослеплен идеей национально-буржуазного развития страны. Даже ее участие в империалистической войне он стремился оправдать. Странным видится его призыв к «конкретно-историческим» исследованиям причин войны. В этом вопросе Плеханов оказывается не только не на уровне марксизма, но даже достижений буржуазной науки. Вспомним определение Клаузевица: война есть продолжение политики иными средствами. А по Плеханову получается, что достаточно установить, кто кому объявил войну. При таком подходе виновником войны выступала Германия, поскольку она объявила войну России. В 1917 г. ситуация, по Плеханову, выглядела уже так, что демократическая, революционная Россия сражалась с реакционной,

монархической Германией. Думаю, есть очень большие основания усомниться в том, что Россия в 1914 г. была такой уж слабой и не имела захватнических планов. Да и в 1917 г. эти планы существенно не изменились. Разница была в том, что правящие круги (буржуазия) стремились использовать революционный энтузиазм масс для того, чтобы продолжать войну.

Одним словом, можно сказать, что в 1917 г. Плеханов действительно высказывал взгляды шовинистические и пробуржуазные. Однако считать, что он выражал интересы только буржуазии, тоже было бы упрощением. На наш взгляд, его позиция — это позиция определенной части рабочих. Рабочих высококвалифицированных и высокооплачиваемых, имевших неплохое положение при капитализме и в условиях войны, то есть рабочих, занятых на предприятиях военно-промышленного комплекса.

А. А. Куреньшев

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР — БАЗА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

В наших социально-политических науках, к сожалению, сложилось превратное представление об идейной платформе Г. В. Плеханова в 1917 г. Его характеризовали как политика, связывавшего будущую судьбу России с капитализмом, клеймили как «социал-шовиниста». Нам кажется, настало время пересмотреть подобные однобокие суждения. А для этого необходимо понять глубинные теоретические истоки политических взглядов Плеханова.

По его убеждению, человек не может вершить историю по своему усмотрению. Сила влияния людей на ход политических событий прямо пропорциональна ясности понимания ими сущности сложившихся производственных отношений. Плеханов постоянно отстаивал мысль, что экономический фактор является базой социального и политического прогресса. Поэтому только высокий уровень развития производительных сил России обеспечит рост политического сознания пролетариата, позволит упрочить демократию и создаст условия для социалистической организации производства. Никто в социал-демократическом движении России не оспаривал тезис о невозможности прямого перехода к социализму в тех экономических условиях. Это вытекало и из «Апрельских тезисов» В. И. Ленина, и из выступлений большевистских ораторов на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. В чем же категорически расходились позиции оппонентов?

Большевики считали возможным установить власть пролетариата и с ее помощью создать экономический базис социализма. Плеханов же доказывал, что в конечном итоге именно экономическое бытие определит характер будущей власти. Продолжавшийся с 1914 г. развал народного хозяйства и его милитаризация, беспорядки и насилие — все это еще более замедляет развитие политического сознания трудящихся и препятствует развитию демократии. А без демократии, по убеждению Плеханова, никакого социализма не получится. Поэтому, по его мнению, в тот период пролетариат, возглавляя борьбу за упрочение политической свободы, должен был пойти на соглашение с теми классами общества, которые заинтересованы в развитии производительных сил страны, в том числе и с буржуазией. Принцип, положенный в основу экономического соглашения между пролетариатом и буржуазией, заключался бы в проведении широкой системы социальных реформ, одинаково необходимых обоим классам, ибо могучее развитие производительных сил возможно только при условии, если высоким оказывается уровень жизни трудящихся.

Октябрьская революция отвергла идеи Плеханова о возможности сотрудничества различных классовых сил в революции. Стремление масс к непосредственному введению социализма выразили большевики. Впоследствии Ленин, убедившись в провале политики перехода к социализму путем «кавалерийских атак», начал работу по коренному пересмотру взглядов на социализм. Но завершить эту работу он не успел. История, как это и предсказал Плеханов, не подтвердила возможность обеспечить социально-экономический прогресс страны без гражданского мира и демократии.

О. К. Цапцева

ОСМЫСЛИВАЯ ЗАНОВО УРОКИ 1917 ГОДА

Последние работы Г. В. Плеханова дают, на мой взгляд, ясный ответ на вопрос о том, была ли альтернатива Октябрю. По Плеханову, такой альтернативы не было. Экономическая слабость России, культурная отсталость масс, крайняя слабость демократических традиций — все это сделало неизбежным, по его оценке, победу именно большевизма. Никаких иллюзий по поводу возможности иного варианта развития событий на этот счет у Плеханова не было уже в конце августа 1917 г. После Октябрьского переворота к нему неоднократно обращались с предложениями призвать к вооруженной борьбе против большевиков. Но Плеханов говорил, что их поддерживает основная масса народа. Люди очень хотели верить и поверили в обещания близкого счастья — мира и свободы, земли и хлеба. Вопрос, однако, состоит в том, насколько эти обещания были обеспечены реальными условиями, уровнем развития страны.

Мудрость политика и его партии определяется одним важным качеством — умением предвидеть все последствия своих действий. И если готовность и способность политиков захватить и удержать любой ценой власть оборачивается их готовностью к ведению гражданской войны,

способностью к кровопролитию, то это страшно. Плеханов считал для себя нравственно невозможным ввергнуть страну в братоубийственную бойню.

А разве нэл, предсмертные работы Ленина не свидетельствуют о его попытках вернуть Россию на путь эволюционного развития? Другое дело, что маховик, запущенный в октябре 1917 г., остановить уже никто не мог. И Ленин в том числе. Уверена, что не случайно в последний приезд в Кремль (19 октября 1923 г.) Ленин вместе со своими тетрадами забирает также книги Гегеля и Плеханова.

Почему все же передовые силы российского общества не откликнулись в 1917 г. на призыв Плеханова и его единомышленников к социальному компромиссу, гражданскому согласию, ненасилию? Ведь опыт развития стран Запада (да ныне и не только Запада) говорит, что такие призывы — не утопия. Полагаю, дело отнюдь не в том, что, как пишет О. К. Цапиева, массы в 1917 г. стремились к «непосредственному введению социализма» (где, понятно, буржуазия не нужна). Народные представления о социализме были по преимуществу утопическими. И вряд ли поэтому можно говорить о сознательном, рациональном «социалистическом выборе», который тогда сделал народ. Дело в другом. В 1917 г. возобладали разрушительная энергия масс, доведенных до отчаяния войной, разрухой, голодом. Большевики же оказались на гребне этой стихии.

В подборку работ Плеханова в журнале «РК и СМ» не вошли, к сожалению, его статьи, специально посвященные мировой войне, международным аспектам российской революции. Но и на основе того, что опубликовано, можно, на мой взгляд, получить ясное представление об отношении ученого к этим вопросам. Конкретно-исторический подход Плеханов считал необходимым не для того, чтобы установить, кто именно был ответствен за развязывание войны, а для ответа на вопрос, почему она стала возможной, как сделать ее последней. Демократические государства того времени — Великобритания, Франция, США, да и большинство стран Европы — справедливо настаивали на необходимости демократизации и демилитаризации Германии — «два Д» (вспомним хотя бы программу мира, предложенную президентом Вильсоном, но, к сожалению, не осуществленную). Спустя 27 лет пришлось добавить к «двум Д» еще одно — денацификацию. Попытки большевиков действовать «вне времени и места» слишком дорого обошлись не только нашему народу.

Т. И. Филимонова

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ КПСС?

Год назад в официальный документ КПСС впервые было включено понятие «демократический социализм». Речь идет о Программном Заявлении XXVIII съезда партии, озаглавленном «К гуманному, демократическому социализму». Вряд ли надо говорить о том, что указанное понятие не является новым. Его использовал Д. Б. Шоу еще сто лет назад. А после второй мировой войны демократический социализм становится официальной доктриной западноевропейских социал-демократов. Новейшая трактовка концепции демократического социализма содержится в документах последнего, XVIII конгресса Социалистического Интернационала (Стокгольм, 1989 г.), в частности в его «Декларации принципов».

Провозгласив лозунг демократического социализма в качестве стратегического, съезд советских коммунистов, однако, не сказал ни слова, не сделал ни намека на то, что обращается к установкам, типичным для социал-демократов капиталистических стран. Тем не менее в рядах КПСС появилась тревога по поводу угрозы «размывания идейной чистоты» партии, ее «социал-демократизации», а в итоге и «капитализации» страны.

Насколько обоснована эта тревога? Действительно ли КПСС хочет (и может) переориентироваться на «строительство капитализма»? Чтобы ответить на эти вопросы, было бы полезно, на мой взгляд, провести сравнительный анализ документов КПСС и Социалтерна, в которых раскрывается содержание понятия «демократический социализм» (см. табл.).

С точки зрения Социалтерна, демократический социализм — это постоянный процесс социальной и экономической демократизации и укрепления социальной справедливости. В результате мирных реформистских общественных преобразований современный капитализм приобретает новое качество. Высшая цель демократического социализма — построение такого общества, которое будет служить человеку и сумеет удовлетворить все его материальные и духовные потребности, обеспечит на деле основные социалистические ценности — свободу, равенство, справедливость, мир, экологические условия процветания. В «Декларации принципов» особо подчеркивается то, что демократический социализм представляет собой международное движение за эти ценности.

В понимании КПСС гуманный, демократический социализм — это общество, в котором: — целью общественного развития является человек; для него создаются условия жизни и труда, достойные современной цивилизации; преодолевается отчуждение человека от политической власти, от созданных им материальных и духовных ценностей, обеспечивается активное включение трудящихся в общественные процессы;

— на основе многообразных форм собственности и хозяйствования обеспечиваются: превращение трудящихся в хозяев производства, сильная мотивация высокопроизводитель-